

Лев Масиель Санчес

РУССКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХИТЕКТУРА В XVIII ВЕКЕ: SURVIVAL & REVIVAL

Русская архитектура XVIII века не ассоциируется со Средневековьем. В столетие, когда в Петербурге работали лучшие европейские мастера, она стала полноценной частью европейского барокко и затем неоклассицизма.

Огромная Россия к Петербургу, однако, не сводится. В старой столице Москве архитектура вплоть до 1750-х годов сохраняет многие формы позднего Средневековья¹. Еще больше средневекового в зодчестве других регионов России, куда европейские формы приходили, как правило, через Москву² и с большим запозданием. Средневековая русская архитектура XVIII века пока не осмыслена как феномен, но исследования и публикации памятников последних десятилетий дают достаточный материал для предварительных суждений о ее характере. Надо заметить, что явление это не специфически русское: в России оно лишь ярче проявилось в силу больших расстояний. Сходные процессы происходили во всех европейских странах; в качестве примеров можно привести архитектуру Нижней Бретани, Лечче и др.³. В историографии бытование средневековых форм в новоевропейской стилистической среде было впервые осмыслено

¹ Седов Вл.В. Елизаветинское барокко в Москве, или В тени Растрелли // Проект Классика. № 8. (2003). С. 155–161.

² Плужников В.И. Соотношение объемных форм в русском культовом зодчестве начала XVIII в. // Русское искусство первой четверти XVIII в. М.: Наука, 1974. С. 81–108.

³ См., например: *Fréal J.* Calvaires et enclose paroissiaux de Bretagne. Paris: Garnier Frères, 1981; *Danieli F.* Fasti e linguaggi sacri: il Barocco leccese tra riforma e controriforma. Lecce: Edizioni Grifo, 2014; *Le gothique de la Renaissance* / Dir. M. Chatenet, K. De Jonge, M. Kavalier, N. Nußbaum. Paris: Picard, 2011.

в английской историографии, где оно было названо *Survival* («выживанием») – в противоположность *Revival* («оживлению»), умышленному обращению к средневековым формам в эпоху романтизма и историзма¹. Мне показалось уместным воспользоваться уже существующей английской терминологией для описания русских процессов, чтобы подчеркнуть их универсальный характер.

Сюжет предлагаемого текста – вопрос о средневековых формах в региональных архитектурах в XVIII веке, их латентном выживании и сознательном воскрешении. Прежде чем перейти к иллюстрирующим разные стороны описанных процессов примерам, необходимо кратко охарактеризовать общую ситуацию.

С 1710-х годов бесспорным центром строительства является Петербург; в 1714 году был издан указ, запрещавший строительство каменных зданий вне новой столицы. Несмотря на то, что на практике действовать он стал не сразу и что из него делалось немало исключений, он на самом деле действительно прервал традицию каменного строительства в Москве и остальной России. После его отмены в 1728–1729 годах она возродилась заново, при этом везде по-разному. В Москве и ближайшей к ней провинции начал распространяться новоевропейский тип строительства, предполагающий наличие детального чертежа и, соответственно, фигуры архитектора-творца. В этом случае архитектура могла быть (и чаще всего и была) скромным, провинциальным подобием петербургской; собственно средневековые формы в ней не сохранялись. В дальних же регионах, куда влияние Москвы и тем более Петербурга доходило очень долго, сохранялся и процветал старый, средневековый метод строительства «по образцу». Он не предполагал наличия точного проекта, а здание рождалось из взаимодействия заказчика, подрядчика, главы артели и ее мастеров, каждый из которых вносил что-то свое в образ строящегося здания². Такой подход не предполагал стилистической целостности здания, которое могло включать самые разные стилистические формы. Определить, какие из них восходят к средневековой традиции, выделить способы их сочетания друг с другом и с новоевропейскими формами – в этом состоят задачи данного исследования.

Стилистические определения для форм русской архитектуры неоднозначны и иногда противоречивы, поэтому необходимо кратко остановиться на терминологических вопросах. Можно выделить четыре основных стиля, формы которых присутствуют в постройках русских региональных архитектур после их возрождения в 1730-е годы. Под допетровскими будут пониматься формы так называемого «узорочья», ведущего стиля посадской архитектуры 1630–1680-х годов. К средневековым

¹ Gothic Survival // The Grove Encyclopedia of Medieval Art and Architecture. Vol 2. Oxford: University Press, 2012. P. 205–208.

² Бусева-Давыдова И.Л. Специфика архитектурной деятельности в Древней Руси и в первой половине XVIII в. // Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV – середины XVIII века / Отв. ред. И.А. Бондаренко. М.: ЛКИ, 2008. С. 667–685.

относятся и пришедшие в Россию в 1680-е годы формы архитектуры Левобережной Украины, а также различные вариации появившегося тогда же нарышкинского стиля. Его название и стилистическая сущность являются предметом дискуссий¹, но для данной работы принципиальным является его отличие от последующего барокко. Барокко принято делить на петровское и елизаветинское, однако до регионов изысканные формы последнего доходили крайне редко. Еще менее актуально для регионов различие разных вариантов классицизма.

Основным материалом для исследования послужили каменные храмы – как единственный весьма многочисленный и надежно датированный тип зданий. Географически дольше и успешнее всего региональные архитектуры развивались на землях, лишенных дворянского землевладения, а значит и, усадебной культуры – на Русском Севере, Вятке, Урале, в Сибири. Яркие региональные школы существовали и вокруг церковных и административных центров Центральной России, даже в непосредственной близости от Москвы (Суздаль, Ярославле и т.п.). В исследовании приводятся кейсы, иллюстрирующие очевидные после обобщения обширного эмпирического материала тенденции. Этот материал, однако, недостаточен для статистически точного исследования (частотность, региональные особенности), которое остается делом будущего.

Основной механизм *Survival* – сохранение старой объемно-пространственной композиции при обновлении части декора. Объемно-пространственная композиция в целом является наиболее консервативным элементом средневековой архитектуры, в то время как декор намного быстрее откликается на стилистические новшества. Так, тип пятиглавого столпного собора, образцом для которого послужил московский Успенский собор (1475–1479), успешно просуществовал весь XVI и XVII век, почти не испытав влияния узорочья, и вошел в восемнадцатый. Правда, столпные соборы почти не строились после 1710-х годов (последним большим, шестистолпным собором был Успенский собор в Кинешме, 1745)², и новое обращение к ним в 1740-е годы было сознательным *Revival* этого типа, введенным специальным указом императрицы Елизаветы³; примечательно, что это обращение происходило не только в формах елизаветинского барокко (Никольский морской собор в Петербурге, 1753–1762, С.И. Чевакинский), но и в традиционных формах (см. ниже). Столь же долгоживущим оказался тип бесстолпного (с сомкнутым сводом) приходского пятиглавого храма, сложившийся 1630-е годы⁴. Он успешно обрел

¹ Аронова А.А. «Северный маньеризм» как форма художественного мышления переходного времени. К вопросу об особенностях «нарышкинского стиля» // Искусствознание. 2002. № 2. С. 334–373.

² Вдовиченко М.В. Архитектура больших соборов XVII в. М.: Индрик, 2009. С. 334–336.

³ Федотова Т.П. К проблеме пятиглавия в архитектуре барокко первой половины XVIII в. // Русское искусство барокко. Материалы и исследования. М.: Наука, 1977. С. 70–87.

⁴ Тарабарина Ю.В. Русская архитектура первой трети XVII в. Автореф. к. иск. М.: МГУ, 1999.

Собор Троице-Сканова монастыря
1795–1808
Фото автора. 2004

Деревни. Церковь
Василия Великого
1797, 1837
Фото Н.И. Рыбина.
2012

сначала нарышкинский¹, а затем барочный декор, и использовался до начала XIX века.

Ярким примером соединения традиционной соборной типологии с новым декором является комплекс Троице-Сканова монастыря близ Наровчата. Построенный по единому замыслу, он включает в себя пятиглавый собор, окруженный неправильным квадратом монастырских стен со встроенными в них корпусами, тремя угловыми башнями и стоящей по оси собора колокольней. Двухэтажный собор был построен в 1795–1808 годах и представляет собой один из крупнейших русских храмов рубежа веков. Он относится к традиционному четырехстолпному типу, однако его апсиды зрительно уравновешены высоким западным притвором с барочным полуциркульным фронтоном. Наличие высокого притвора во всю ширину храма совершенно несвойственно соборному типу и свидетельствует о влиянии новой архитектуры. Замечателен декор собора, представляющий собой эффектную, но провинциальную версию раннего классицизма (вышедшего в Петербурге из моды к началу 1780-х годов). Нижний этаж украшен причудливым рустом, верхний – легким декором, почти не оставляющим свободного места. Особенно выделяются широкие плоские пилястры, капители которых заменены филенками с изображениями херувимов. Расположение окон не соответствует конструкции (четыре ряда при двух столбах), что было уже типично для храмов XVII века. Такое расположение позволило оформить две центральные ячейки каждого из фасадов подобием двухколонного портика, чей фронтон помещен на карниз и втиснут между боковыми барабанами. В целом, собор Троице-Сканова монастыря представляет собой яркий пример провинциальной архитектуры, пытающейся следовать столичной моде.

Колоритным примером приходского пятиглавого храма с новым декором является церковь Василия Великого в селе Деревни близ Ростова

¹ Мерзлютина Н.А. Традиционные бесстолпные храмы нарышкинского стиля. Автореф. к. иск. М.: ГИИ, 2002.

Великого (1797). Храм имеет типичные для ярославской школы вытянутый по вертикали четверик и (недавно восстановленные) крупные луковичные купола. Несмотря на позднюю дату, в его декоре есть даже допетровские формы: имитирующий закомары аркатурный пояс и килевидные наличники окон верхнего света. Граненые барабаны и апсида являются типичными для нарышкинского стиля, так же, как и наличники с разорванными фронтонами в нижнем ярусе. Филенка над дверным проемом и круглые имитирующие окна филенки между нижним и верхним рядами окон свидетельствуют о влиянии барокко. И только построенная в 1837 году громоздкая шестиярусная колокольня своими пилястрами, полуколоннами и плоскими фронтонами отражает влияние классицизма. Таким образом, храм в Деревнях соединил все стилистические пласты, которые только были возможны в региональной архитектуре этого времени.

Более редким, хотя и достаточно часто встречающимся случаем, является соединение в одном памятнике новой композиции с элементами декора предшествующего стиля. Хорошим примером здесь может послужить церковь Михаила Архангела (1745–1749) в тогдашней сибирской столице Тобольске. Это двухэтажный одноглавый храм с трапезной и колокольней

Тобольск. Церковь
Михаила Архангела
1745–1749
Фото автора. 2003

по оси, так называемый храм «кораблем»; подобный тип храма сформировался на рубеже XVII–XVIII веков. Завершение храма и колокольни типично барочные по своим формам. Четверик перекрыт высоким сводом с так называемыми полуглавиями (полуциркульными фронтонами над центральными сегментами стен), колокольня – сводом с люкарнами. Эти композиции связаны с первыми постройками барокко в России (с конца 1690-х годов); они выкристаллизовались в архитектуре церкви Иоанна Воина на Якиманке в Москве (1709–1717). При барочной объемно-пространственной композиции декор тобольского храма включает многочисленные украинские элементы в верхнем ярусе и допетровские наличники в нижнем. Сочетание столь разновременных мотивов связано с копированием форм соседней Владимирской церкви, нижний этаж которой относится к допетровскому времени (1690–1691), а верхний – ко времени активной работы украинских мастеров в Тобольске (1737–1744)¹. Каждый из ярусов церкви Михаила Архангела сохранил «генетическую память» об исходных сочетаниях форм, а храм оказывается неожиданно современной для середины XVIII века «стилизацией» исторических напластований.

Другой яркий пример – церковь Преображения в Рогоже (1756–1770) близ Осташкова. Это храм типа восьмерик на четверике – наиболее распространенного в XVIII веке типа, возникновение которого связано с нарышкинским стилем. Однако на восьмерик водружено пятиглавие, причем не изредка встречающееся в нарышкинском стиле крещатое (то есть по сторонам света), а почти обязательное для узорочья диагональное

¹ Масиель Санчес Л.К. Свет Лавры in partibus infidelium: «украинизмы» в архитектуре Сибири XVIII в. //Архитектурное наследство. Вып. 54. М., 2011. С. 144–157.

Рогожа. Церковь
Преображения
1756–1770
Фото Н.И. Рыбина.
2010

Спасо-Суморин
монастырь
Вознесенский собор
1796–1801 и 1825
Фото автора. 2015

с приличествующими ему луковичными главами и закомарами в основании боковых глав. Колокольня тоже архаическая: с деревянным шатровым завершением. Еще примечательнее наличники: допетровские на восьмерике и нижнем ярусе, барочные в среднем и на окнах центрального барабана. В целом Рогожа противоположна Тобольску: там сочетания форм разных стилей были генетически оправданы, здесь, напротив, связи разорваны: барочные наличники украшают допетровский барабан, допетровские наличники – нарышкинский четверик, и т.п. При этом детали выразительно и качественно проработаны, пропорции форм хорошо согласованы, и в целом здание производит гармоничное впечатление.

Любопытны примеры подхода, при котором полностью новый по формам храм отражает архаические по сути архитектурные идеи. Пример – Вознесенский собор Спасо-Суморина монастыря под Тотьмой (1796–1801 и 1825, приписывается В.М. Казакову). В литературе это собор трактуется как образец московского классицизма¹, что вполне справедливо относительно основного объема храма. С точки зрения *Survival* примечательна трапезная, необычно высокая относительно основного объема; двухсветное основное пространство поставлено на цокольный этаж. Трапезная имеет элегантный классицистический декор в духе Кваренги, но при этом необычную композицию боковых фасадов: притвор, включенный в структуру трапезной, выделен дополнительным итальянским окном, что делает фасад в целом несимметричным. Эти не совсем обычные для классицистических трапезных формы могут объясняться, как мне кажется, местной традицией строительства двухэтажных храмов кораблем с их высокими двухэтажными трапезными. А несимметричность фасада

¹ Бочаров Г.Н., Выголов В.П. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотьма. М.: Искусство, 1983.

Царёва.
Воскресенская
церковь. 1779–1811
Фото автора. 2015

Широковское
Предтеченская
церковь. 1784–1793
Фото автора. 2002

может быть следствием привычки к визуальному выделению части трапезной, расположенной под колокольней (например в пригородном селе Царёва, 1779). Таким образом, привычное пространственное мышление «проговаривается» здесь сквозь классицистический архитектурный язык.

Довольно редки примеры практически полного выживания архаических форм, когда храмы имеют минимум форм современной архитектуры. Образцами подобного архаизма являются некоторые храмы Каргополя и его окрестностей. Эффектный пример – храм Иоанна Предтечи (1751), монументальный пятиглавый храм, по облику близкий соборам XVI–XVII веков. Он имеет двустолпную конструкцию, низкий притвор, три полуциркульные апсиды, относительно небольшие окна и прочие черты, которыми он мало отличается от храмов соборного типа XVII века. Единственным элементом петровского времени (но не барокко!) являются типичные для храмов нарышкинского стиля восьмигранные окна в завершении четверика. Что касается украинских форм куполов, не ясно, являются ли они первоначальными. Возможно, что неприятие новшеств каргопольскими заказчиками и строителями связано с почти полным отсутствием контактов каргопольской традиции каменного зодчества с другими его очагами (Вологда, Устюг, Архангельск находятся в сотнях километров от Каргополя) и, соответственно, современными архитектурными веяниями.

Revival в русской архитектуре тоже был, и даже не один. Во-первых, возникший в екатерининское время как подражание английскому *Gothic Revival* «готический вкус»¹, некогда называемый псевдо- или ложной готикой. Он мог осмысляться и как обращение к русской средневековой архитектуре², но ничего общего с ее формами не имел. Различение собственной и западноевропейской готики окончательно вызревает к 1830-м годам, когда начинают формироваться и развиваться сразу два *Revival* – собственно неоготика и русский стиль. Последний, современниками иногда именовавшийся «московско-ярославским», а в советское время – «псевдорусским», в англоязычной историографии часто именуется *Russian Revival*. Ни тот, ни другой не имеют отношения к рассмотренным выше процессам *Survival*.

Позволю себе высказать гипотезу о том, что внутри рассмотренной выше «выжившей» в XVIII веке средневековой традиции тоже был свой *Revival*. Речь идет о пока еще не осмысленном в историографии явлении сознательного обращения создателей храмов к формам, уже успешным выйти из употребления в их регионе. Едва ли не единственный описанный пример явления – так называемые «походяшинские» церкви Северного Урала. Три каменных храма – Иоанно-Предтеченский в Верхотурье (1754–1776), Введенский в Карпинске (1767–1776) и Петропавловский в Североуральске (1767–1798) – были построены по заказу консервативного купца Максима Походяшина. Они удачно воспроизвели формы местных памятников нарышкинского стиля начала XVIII века (в первую

Каргополь
Церковь Иоанна
Предтечи. 1751
Фото автора. 2007

¹ Хачатуров С.В. Готический вкус в русской художественной культуре XVIII в. М.: Прогресс-Традиция, 1999.

² Кириченко Е.И. Русский стиль. М.: Галарт, 1997; Лисовский В.Г. Архитектура России. XVIII–нач. XX в. Поиск национального стиля. М.: Белый город, 2009.

Североуральск
Петропавловская
церковь. 1767–1798
Фото автора. 2002

очередь, Иоанно-Предтеченской церкви в Красном, 1721–1728) уже после того, как в середине XVIII века здесь распространились формы барокко¹.

Изучение различных региональных традиций позволяет предположить, что упомянутое явление было распространено и могло принимать разные формы.

С одной стороны, оно могло быть связанным с желанием воспроизвести какой-либо почитаемый образец. Так, в небольшом селе Широковском в Зауралье в 1784–1793 годы был построен небольшой Предтеченский храм, в точных деталях воспроизводящий уникальные формы завершения Успенского собора Далматова монастыря (1707–1720), находящегося неподалеку. Эти не сохранившиеся до наших дней формы были одним из экспериментов мастеров нарышкинского стиля с крещатым пятиглавием: люкарны, служившие постаментами для боковых глав, были помещены здесь в центр разорванных фронтонов, растянутых на всю ширину стен четверика². Несмотря на то, что в регионе в 1770-е годы широко распространились изысканные формы тобольского барокко (Преображенский собор в Шадринске, 1771–1777)³, строители небольшого храма в принадлежавшем монастырю селе специально воспроизвели архаические формы почитаемой святыни.

Есть еще более специфические примеры. В 1778 году после пожара была разобрана построенная еще Андреем Боголюбским Преображенская

¹ Капников А.Ю. «Походяшинские» церкви Урала. //Архитектурное наследство. № 38 (1995). С. 374–378.

² Масиель Санчес Л.К. Артель Далматова монастыря и архитектура Сибири XVIII в. //Academia. Архитектура и строительство. 2012. № 4. С. 21–28.

³ Масиель Санчес Л.К. Тобольское барокко //Academia. Архитектура и строительство. 2013. № 3. С. 46–51.

церковь во Владимире (1164). На ее фундаментах вскоре построили новую (точные даты строительства неизвестны¹) с характерным для того времени четвериком, завершенным малым восьмериком на высоком своде. Ряд ее деталей выдержан в формах провинциального барокко. Замечательно то, что мастера воспроизвели и некоторые формы владими́ро-суздальской архитектуры XII века, ориентируясь, скорее всего, на формы погоревшего храма. Они воспроизведены не совсем точно, но при этом прекрасно узнаваемы. Аркатурно-колончатый пояс помещен не под окнами, а на их уровне: скорее всего, это произошло из-за нехватки места. Портал по аналогии с владими́ро-суздальскими храмами перспективный, но вместо полуциркульного использован типичный для XV–XVIII веков килевидный. В результате Преображенская церковь во Владимире оказывается созвучной духу *Gothic Revival* в том, что воспроизводит древний храм как факт почтенной старины, а не как вневременный почитаемый образец.

Второй вариант *Revival* – ориентация на старомодность как таковую, на некоторый архаический архитектурный образ. Эта тенденция усиливается на излете развития региональных архитектур как своего рода защитная реакция умирающего средневекового мировоззрения (и строительного метода) перед лицом навязываемой столицей мертвящей классицистической регламентации.

Хороший пример – Сретенский храм в Заостровье недалеко от Архангельска. Он был заложен в 1808 году, престол верхнего этажа был освящен

Заостровье

Сретенская церковь

1808–1878

Фото автора. 2007

¹ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область. Ч. 1. М.: Наука, 2004. С. 428.

Каргополь
Введенская церковь
1785–1802
Фото автора. 2007

в 1827-м; окончание работ относится к 1878 году. Несмотря на свой скромный статус приходского, храм принадлежит типологии столпных соборных пятиглавых храмов. Такие храмы строились в качестве приходских в окрестностях Холмогор в конце XVII века¹, а последним в типологии был кафедральный Троицкий собор Архангельска (1708–1743). Затем здесь распространились типичные для северо-востока России храмы с малым восьмериком в завершении. И вот в самом конце столетия местные храмостроители неожиданно возвращаются к крайне консервативному типу здания². В окрестностях Архангельска были возведены Богоявленская церковь в Емецке (1792–1808, не сохранилась), ориентированная на Троицкий собор в Архангельске, и Троицкий собор в Пинеге (1800–1817, не сохранился), в котором сильнее проявились черты классицизма. Храм в Заостровье подчеркнуто монументален: его декор (примитивные барочные и классицистические наличники) – тонкий и легкий – лишь подчеркивает могучую мощь кубического объема. Алтарных апсид нет, расположение главных престолов обоих этажей (всего престолов шесть) обозначено уникальным способом: узким портиком на спаренных колоннах. Куполам придана эффектная утрированная луковичная форма. В целом, несмотря на грубоватые детали, создателям храма удалось воплотить впечатляющий своей мощью образ древнего северного храма. В силу очень позд-

¹ Вдовиченко М.В. Архитектура северных соборов XVII в. //Памятники русской архитектуры и монументального искусства XVI–XX вв. Вып. 7. М.: Наука, 2006. С. 27–62.

² Масиель Санчес Л.К. Храмы архангелогородской школы //Архитектурное наследие. Вып. 55. М., 2011. С. 77–87.

ней даты закладки и чрезвычайно затянувшегося строительства *Revival* средневековой архитектуры соединился в нем с *Russian Revival* Нового времени: если сам храм стоит в самом конце долгой средневековой традиции, то его шатровая колокольня храма уже отражает влияние проектов «русско-византийского стиля» К.А. Тона.

Стоит привести еще один образец здания, отличающийся еще большей степенью архаизации. В уже упоминавшемся Каргополе в 1785–1802 годах была возведена Введенская церковь. Этот храм имеет только нарышкинские (построение «кораблем», граненые окна верхнего света) и допетровские (наличники «коруны» – и это на рубеже XIX века!) формы, ни в чем не откликаясь не только на классицизм, но даже и на барокко. Его появление вроде бы не должно удивлять на фоне присущего каргопольской школе особого консерватизма. Однако если внимательно присмотреться к датировкам памятников, то окажется, что начиная с 1770-х годов во многих из них появляются и барочные, и схематизированные классицистические элементы, не говоря уже о строительстве приезжими мастерами эффектной соборной колокольни в формах раннего классицизма (1772–1778)¹. И в их контексте подчеркнута архаичные формы Введенской церкви, стоящей всего в 50 метрах от упомянутой колокольни, могут быть осмыслены уже не как латентный *Survival*, а как намеренный *Revival*.

Наличие *Survival*, в общем-то, никогда не ставилось под сомнение, однако исследования этого огромного пласта архитектуры, представленного тысячами памятников, заслуживает углубления и расширения. Что касается *Revival*, то приведенные аргументы свидетельствуют, как мне кажется, о необходимости глубже вдуматься в это малоизвестное и достаточно редкое явление. Его образцы свидетельствуют о том, что способность и интерес к дифференциации разных пластов исторического прошлого начал распространяться после середины XVIII века также и в консервативной, по сути еще средневековой среде русских региональных заказчиков и строителей.

¹ Масиель Санчес Л.К. Каменная архитектура Каргополя кон. XVIII в. // Academia. Архитектура и строительство. 2015. № 3.